Джини / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Джини / рассказ ДЖИНИ

Джини поздно вернулась домой. Я лежал в кровати, пытался заснуть. Засыпаю обычно долго, мучимый тяжелыми мыслями. Регулярная работа всегда грузит меня тяжелыми мыслями.
Джини работает барменом в одном дрянном баре на Бауманской. Освобождается поздно, не раньше двух часов ночи. Потом такси, потом смыть макияж, потом сделать заготовки для завтрака, выкурить ментоловую сигарету, выпить минералки, переодеться и лечь в кровать.

Обычно я тоже не сплю до двух-трех. Могу позволить себе работать в любом графике, но хочу просыпаться вместе с Джини. Хочу видеть, как она зевает, как нервничает в поисках очков, слышать, как гремит посудой на кухне, начиная готовить завтрак. Хочу всерьез размышлять о том, чтобы помочь ей.

Так вот. Джини вернулась домой очень поздно – позже обычного. На часах около пяти утра. Начало мая, на улице еще темно. Я лежал и думал о том, что этикетка «кока-колы» всегда была либо красной, либо черной. Но никогда – зеленой, как листы кокаинового куста. Хотя именно зеленый стимулирует потребление. Зеленый напоминает о том, как выглядит съедобная жизнь вне упаковки.
Возможно, я тревожился из-за того, что Джини задерживается. Но мы не привыкли что-то требовать друг от друга. Я пил, курил, не пристегивался за рулем, мог ругать ее стряпню. Джини работала в неудобном мне графике и, бывало, тоже возвращалась пьяной.

Так вот, когда Джини ложилась, я думал о «кока-коле».

– Как твой день? – я обнял ее.
– Дурацкий день, – тихо ответила Джини.

— И длинный.
— Не начинай.
— Как думаешь, почему «кола» никогда не была зеленой?
— Потому что зеленым дети какают.
Я поцеловал ее за ухом, осторожно обнял и заснул.

—

Я называл ее Джини, потому что имя Женя ей не шло. Категорически. Слишком пацанское и колючее. Она была скорее сильной и стойкой. Она была Джини.

Мы познакомились полгода назад. Я пил «гиннесс», сидя на высоком стуле у барной стойки. Время шло к полуночи, утром меня ждала рабочая планерка. Рассказывать было не о чем, но рассказывать ни о чем всегда нужно уверенно. Поэтому я пил и планировал поспать часа три. Намного легче быть наглым и безразличным, даже циничным, когда ты не выспался. Циничные, как известно, всегда добиваются лучших результатов в переговорах.

Я попросил приготовить мне фри и пожарить рыбу, налил еще пива и уткнулся в телефон. Газеты писали, что нас ждет вторая волна коронавируса, а вре́менное восстановление экономики — всего лишь бесплатный сыр. Соцсети писали, что «зум» стоит дороже «газпрома», а цигун полезнее, чем бег или лыжи. Мне было скучно и весело одновременно. Весело потому, что я впервые в жизни не понимал, зачем вставать каждый день, на что тратить заработанные деньги и что произойдет в выходные. Это весело — не понимать. И страшно. Как играть в покер с любителями или пить домашний самогон. Одновременно всё это дико скучно — не понимать, но вставать каждый день, тратить заработанные деньги, чем-то занимать выходные.

— Эй! Ты в порядке? — спросила девушка в клетчатом фартуке с половником в руке.
— Да-да.
— Ты вроде как в себя ушел. Я подумала, может, случилось чего.

— Случилось ничего, — отшутился я и выпил пива. — Зачем половник?
— На кухне грог сделали. Лью. Будешь?
— Буду.

Барменша налила и себе, мы чокнулись гранеными стаканами, выпили. Грог был горячим и вкусным. Маловато рома, но корица, лайм и имбирь создают иллюзию крепости. С ним хочется курить крепкий табак и пить сладкий чай.

— Покурим пойдем, — предложил я девчонке с половником.
— Я же работаю.
— Тут пара калек, включая меня. Налей пять стаканов, поставь на стойку — всем хватит.
— Логично, — заключила она, разлила грог, кинула половник в кастрюлю, сняла фартук и вышла из-за стойки.

Мы вышли на улицу, я прикурил две сигареты, одну передал ей.

— Женя, — протянула она ладонь и улыбнулась.
— Марат, — я неловко пожал ее руку. И попробовал улыбнуться.
— А как будет Женя по-татарски? — спросила Женя.
— Никак. Близкими в разных языках могут быть только вариации библейских и античных имен. Типа Иосиф-Юсуф… — ответил я максимально серьезно.
— Степан и Стефан, знаю. Я имею в виду, как произнести Женя по-татарски?
— Хм. Обычно ударения ставят на последний слог. То есть не Же́ня, а Женя́. «Ж» перед гласной всегда смягчают. То есть это как бы не «жэ», а «дьже». Или еще мягче. А «е» часто произносят как «и». Значит, получится что-то вроде «Дьжиня́», — я договорил и картинно выдохнул.
— Звучит как безалкогольный джин, — она усмехнулась.
— Или девчонка-джин. Хотя это скорее Джина. Или Джини, — я выбросил окурок и отвел взгляд. Джини улыбнулась, взяла меня за руку, и мы спустились в бар.

Через час ушел последний забулдыга. Я проводил Джини до дома,

мы договорились встретиться через пару дней — в ее выходной.

—

Утром Джини тихо сварила кашу, молча выпила кофе и убежала на работу. Странно, она нужна в баре только вечером. Бизнес-ланчи будет разносить?

Похоже, пора возвращаться к себе. Джини стала отстраненной и вспыльчивой. Иногда вела себя ласково, но капризничала как ребенок. Холодно реагировала на любые попытки заговорить, пропадала, не отвечала на звонки.

В общем, пошла вторая неделя очередной попытки совместной жизни. В первые дни Джини всегда была самой любящей женщиной. Неделю назад достала где-то чистый абсент, приготовила утку и трахала меня до утра. Но к пятому-шестому дню Джини потухала, уходила в себя и становилась чужой не только мне, даже крану с горячей водой, который неизменно била разводным ключом.

В такие моменты нам нужны два-три дня порознь, чтобы соскучиться, чтобы снова влюбиться. Я быстро собрался и поехал на работу.

Джини не брала трубку ровно сутки. Писала, что занята, что все в порядке, что скучает. Я с трудом переносил ее отсутствие. Пошел в порно-кинотеатр — развеяться.

Ненавижу порно. Дешевая спекуляция на лучшей из потребностей человеческих. У всего этого липкого безобразия одна цель: лишить живого человека шанса искренне полюбить ближнего своего. Порно придумали одинокие люди. Корыстные одинокие люди. Единственная их страсть — преумножать тоску. Единственное, что можно вынести из просмотра порно: иногда полезно увлажнить гениталии партнера.

Показывали запрещенный «Сербский фильм». Тот, где порно-герой спасает семью от насилия, пробивая хером глазницу порно-террористу. Я зевал до середины фильма, потом несколько раз

напрягся, где-то закрыл глаза, сбегал за пивом и успокоился. Но думать о Джини (вообще о женщинах) стало категорически невозможно. Значит, засну спокойно.

—

Через несколько дней в Москву приехал старый знакомый. Костя был с парой друзей из Костромы, планировал отдохнуть, съездить в аутлеты. Мы увиделись, проехались по барам. Друзьями оказались повар и ювелир. Повар ничего не ел, а ювелир имел при себе около килограмма самых разных железок — от дрянных циркониевых подвесок до красивых обручальных колец ручной работы. Под занавес вечера он высыпал всё на стол и пообещал подарить любую вещь тому, кто найдет единственную подделку в этой куче.

— Вот это, — Костя ткнул пальцем в прозрачный пластиковый пакетик с серьгами. Камни в серьгах выглядели как скомканная жвачка.
— Не, — ответил ювелир. — Это огранка такая. Типа как более естественно выглядит.
— Тогда вот это, — предположил повар и показал на крупное мужское кольцо с черепом.
— С ума сошел, — возмутился я. — Это ж олдскул, у меня в школе такое было.
— Точняк, — подтвердил ювелир. — Сам на что ставишь? — повернулся он ко мне.
— Сек. Думаю, — честно ответил я. Потеребил в руках несколько подозрительных цепочек. Надел пару мужских колец, сравнил вес нескольких женских. — Вот это, — протянул ювелиру женское золотое кольцо.
— Как понял? — спросил ювелир. Видимо, я угадал.
— Оно полегче других. Может, крашеная медь или латунь. И рисунок неровный. Вообще непонятно, что это: растянутый иероглиф или царапина такая. Кто это вообще купит? — усмехнулся я.
— Точно, точно. Это мне стажер подкинул. Медное с плохой позолотой. Узор тут языческий, замысловатый, но нанесен плохо.

Одну вещь дарю. Что возьмешь?
— Понятно что, — сказал я и забрал у него подделку.

Следующим вечером увиделись с Джини. Она оделась не то стильно, не то пошло — легкая кожаная куртка, полупрозрачная блузка, тугие серые штаны в мелкую клетку, белые кеды. Непринужденно болтала, радовалась каким-то воробьям, вообще стремилась жить и чувствовать. Заигрывала. В общем, вела себя как на первом свидании.

Я предложил ей доехать до какого-нибудь парка и прогуляться. Мы сели в машину, и я двинул в сторону Филевского. Побродили по темным аллеям, спустились на набережную. Я все больше молчал, внимательно слушал. Я соскучился по ее барным историям, истеричному смеху, тонким рукам и легкой походке. Вертел кольцо в кармане куртки, машинально пытался надеть его то на мизинец, то на безымянный. Я не придумал ни единого слова, чтобы выразить свои намерения. Не придумал ни одного красивого жеста, не нашел скрипача, не взял гитару и забыл все написанные когда-то стихи. Я просто шел рядом с Джини, молчал и вертел кольцо в кармане куртки.

— Я решила уволиться, — вдруг остановилась и произнесла она.
— Откроешь свой бар?
— Не знаю. Может, дизайнером буду. Или вебом займусь — пока не решила. Просто платят мало. Слишком.
— Прямо перерыв, ничего конкретного?
— А чего. Квартира у меня есть, какие-то деньги скопила. Но я уже пробую себя в разном, в новом. Я думаю, что-то выгорит.

Я еще немного повертел кольцо в кармане. Смутился. Достал сигарету и закурил.

— Я рад за тебя, — посмотрел на нее. — У тебя все обязательно получится. А я помогу.

Тем вечером напился и долго слонялся по городу. Проклинал ее за мужественность, себя за робость, стечение обстоятельств за стечение обстоятельств. Пару раз достал кольцо и представил,

что выброшу его нахуй и все забудется.

—

Я пытался понять, что происходит. С Джини, со мной. Моя девочка при всей своей приятной глупости вдруг решила заняться своей жизнью. Поставить какие-то цели, принудить себя к переменам. Это пугало.

Я никаких целей не ставил и не планировал. Удаленно работал копирайтером, старательно работал. В офис ездил только на планерки, о карьере не думал. Получал свои средние деньги, снимал обаятельную хрущевку и раз в год ездил на могилу Толстого. Мне нравилось, что Джини живет в похожем несложном ритме. Нравилось, что мы можем вместе ничего не планировать, ни на что не откладывать и никуда не спешить. Да что там нравилось! Я сильно ценил наши скромные будни, пресные сериалы, прогулки, пьяную болтовню и секс на балконе. Я хотел бы продолжать и продолжать жить так, пока смерть не разлучит нас. Надо было ей это и сказать. Наверное.

Джини снова пропала. Пару дней писала короткие сообщения о том, что все в порядке, что отдыхает от работы, что ждет встречи, но только когда полностью придет в себя, поймет себя и найдет себя.

Но я уже решился. Дождался вечера пятницы и просто поехал к ней. Купил цветы, вина, захотел сделать сюрприз. Ну как сюрприз. А впрочем, цветы от меня — это всегда сюрприз. Понимаю, что гордые девушки не любят сюрпризы. Даже незначительные. Им не нравится чувствовать себя обязанными. А любой сюрприз — это всегда дешевое геройство в ожидании алаверды. С другой стороны, может, именно предсказуемость съела магическое напряжение между нами?

Приехал за рулем, чтобы выпить и остаться на ночь. Набрал код домофона в подъезде, поднялся, позвонил. Минута, две. Ничего. Только шум из-за соседской двери. То ли ругань, то ли футбол. Позвонил еще несколько раз. Позвонил на мобильный. Выдохнул,

оставил цветы под дверью и пошел на улицу. На часах почти одиннадцать. Размышляя, дошел до магазина, купил сигарет и шоколадку. Снял наличные в банкомате. Забрел в знакомый детский садик, выдавил пробку ключами, сделал длинный глоток. Кислятина. Закурил. Какой же теплой и ласковой была выпивка лет десять назад… Через несколько минут сделал еще один глоток, следом еще несколько. Вылил оставшиеся полбутылки в кусты.

Однако потеплело. Туманное настоящее стало рассеиваться перед многообещающим будущим. Перед возможностью сорваться наконец и почувствовать себя самцом. Достал телефон и погуглил. Через пару кликов нашел подходящее — «Реанимация». Массажный салон в соседнем доме.

Вывеска выглядит позорно, дешево, неоново. Курящие у выхода пацаны выглядят как неоновая вывеска. Я точно сюда хочу? А почему я боюсь? Они там сами все сделают. Первый раз, что ли? Я-то, может, и в первый, но они… И все равно волнительно. Плевать, что волнительно. Неловко. Неправильно.

Все же спускаюсь в этот подвал. На стенах кафельная плитка, на потолке длинные лампы холодного света. Стойка с хостес похожа на регистратуру — из окошка выглядывает девушка лет тридцати пяти и протягивает мне талон. Неужели здесь есть интим? Хотя… где если не здесь?

— Доброго вечера, сударь, — говорит хостес, будто продает блины в «Теремке». — Присаживайтесь, располагайтесь. На столике перед вами планшет, листайте влево, это наши лучшие девушки. Запишите номер понравившейся девушки в талончик.
— Спасибо, — застенчиво отвечаю.

Так, эта слишком толстая, эта слишком худая… Не люблю медсестер. И стюардесс. Женщины в форме кажутся мне бесчувственными. Блин, и фотографии такие размытые… А вот эта вроде ничего. Высокая, в очках, с длинными ногами и маленькой грудью. Любимый типаж. Жаль, что детали лица замазаны.

— Она, — сказал я.
— Прекрасный выбор. Совсем недавно у нас, — то ли ободрила, то ли предупредила хостес.

Дальше я смиренно прошел в указанную комнату. На полу матрас, накрытый простыней. В углу мини-бар — с отдельной оплачиваемый, но довольно богатый. На стенах развешаны фотографии голых девушек в цилиндрах и с зажженными сигаретами. Я снял свитер, скинул ботинки. Минуту поразмышлял и налил в стакан немного коньяка. Запил «ред буллом». Разделся до трусов. Налил еще. Шли минуты. Еще десять-пятнадцать. Я полежал на диване. Встал, подошел к раковине, умылся. Включил воду в душевой и отлил. Аккуратно покурил в вытяжку, попивая спиртное.

Когда я натянул штаны, чтобы сходить и разведать обстановку, зашла она. Медленно шагая на высоких каблуках, на ходу скидывая бежевый атласный халат. Она была прекрасна. Тонка, стройна, изящна, игрива. Из-за маленьких черных очков и кружевного чокера казалось, что у нее огромные глаза и бесконечная шея. Маленькая острая грудь бросала на стену изящную тень от тусклого света напольных ламп.

И вот ее длинные ноги замерли. Она сняла очки.

— Марат? — спросила Джини. Как будто у меня мог быть брат-близнец.
— Точно, — бодро ответил я.
— Что ты здесь делаешь?
— То же, что и ты. Ну то есть пока не делаешь, но планируешь. Сексом пришел заняться.
— Но. Почему сюда… Блять! Я пошла, — она повернулась. Я рванул к ней.
— Нет, нет, погоди, — сказал я, схватил ее и развернул. — Я уже заплатил, так что ближайший час точно мой.

Мы стояли, глядя в глаза друг другу. Гнев закипал во мне. И разочарование. Мне захотелось спрятать ее под простыню или

засунуть в халат, чтобы скрыть наготу. Интересно, хотя бы на миг стыд в ней сменится разочарованием? Неважно.

— Марат, пожалуйста, отпусти меня.
— Без проблем. Но мне надо с тобой поговорить. Кажется, по-другому у нас это не получится. Выслушай меня. Пожалуйста.
— Хорошо, — холодно произнесла Джини и прислонилась к стене напротив.

Я достал сигарету из пачки, валявшейся на полу, налил водки. Выпил. Налил ей. Отказалась. Я нащупал рядом штаны, пошарил в карманах, достал кольцо и зажал в кулаке. Встал на одно колено перед Джини.

— Ты сумасшедшая, но такая своя, такая важная, — начал я с продуманной фразы.
— Чего ты хочешь? — почти крича спросила Джини.

Я чувствовал, что пьянею, и горячился.

— Я хочу тебе кое-что сообщить, — гордо ответил. — Я понял, что мне очень сложно без тебя. Понял, что тоскую, что хочу быть рядом, — я горячился, говорил все громче. — Понял, что не могу больше ждать и верить. Что должен действовать. Что я устал просто быть с тобой. Я хочу обладать тобой.

Она молчала.

— Это кольцо, — я разжал кулак и раскрыл ладонь перед ней, — я собирался подарить тебе в знак своей верности. Вместе с этим кольцом я хотел подарить тебе руку и сердце. Как видишь, я оказался неверен. Прости меня.

Я встал, бросил кольцо на матрас, начал судорожно одеваться. Джини села на пол, прижав колени к груди, и уставилась в одну точку перед собой. Мне показалось, что она всхлипнула. Я подошел к ней, наклонился, чтобы поцеловать в лоб. Не смог и на пару секунд просто завис. Джини продолжала смотреть в одну точку, не поднимая глаз. Моя бедная Джини, маленькая Джини.

Сколько липких тел тебе еще предстоит обслужить, сколько выслушать бреда, сколько раз сбежать, сколько часов прятаться? Сколько человек ты потеряешь за это время? Сколько любви отдашь просто так, в обмен на комфорт и благополучие.

Я вышел за дверь и заставил себя смотреть только вперед. Оказавшись на улице, закурил и быстро зашагал прочь. Идти было сложно, ноги едва слушались. Сердце стучало, голова кружилась. Внутренний голос пропал, уступил место генератору случайных мыслей. Я пытался собрать в кучу то, что произошло. Пытался примириться с этим, а в следующую секунду почти кричал от бессильной злобы.

Мне захотелось забрать ее отсюда. Захотелось обнять, и прижать к себе крепко-накрепко, и никогда больше не отпускать. Захотелось плюнуть в ее лицо и никогда больше не видеть. А потом разрыдаться, упасть на колени и корить себя за слабость сойтись с Джини, за слабость уйти от Джини.

Я дошел до своей машины, сел за руль. Нет, я не хочу как Ефремов, и денег на адвокатов нет. Заехал в ближайший двор, прижался к забору, перекатился на заднее сиденье, укрыл голову курткой, закрыл глаза. Захотелось «колы». Забавно, что этикетка на разных бутылках джина часто бывает зеленой.

Москва, сентябрь 2020.

Об авторе: МАРАТ ШАКИРОВ (ФАЙЗУЛЛИН)

Родился в Казани, закончил бакалавриат факультета финансов КГУ (Казань); магистратура факультета политологии НИУ-ВШЭ (Москва). Участник семинара молодых писателей Союза писателей Москвы 2016, Семинара молодых писателей Союза писателей России 2019. Hekaýalar